

Предисловие

Антоний Фердинанд Оссендовский (1876–1945) — необыкновенно оригинальная, красочная фигура, имеющая исключительно бурную жизнь! Писатель, мыслитель-футуролог, журналист, редактор многих журналов, страшный охотник, путешественник-скиталец, доктор химических наук, преподаватель многочисленных высших учебных заведений. В некотором периоде своей жизни революционный деятель, а также решительный противник большевиков.

Бегло знал восемь языков, в том числе такие экзотические, как китайский и монгольский. Был вторым, после Сенкевича, польским автором, имеющим самое большое число переводов на иностранные языки. В период Польской Народной Республики был обречён на публичное забвение по причине своей обличительной книги «Ленин», не предвзято оценивающей большевистскую революцию и её вождя.

«Белый Капитан» — повесть, написанная в двадцатилетний межвоенный период, события которой в большей степени происходят на палубе корабля «Витязь». Норвежский капитан принимает на судно нового матроса, случайно познакомившись с ним в порту. Не знает, однако, ни его настоящего имени, ни тюремного прошлого. Вскоре оказывается, что сам «Витязь» также имеет свою тайну, а на первый взгляд сплочённой команде не всегда следует доверять. Это сможет сыграть немаловажное значение во время плавания из Скандинавии в край самоедов и тунгусов за золотом и целями мехами. Главный герой должен будет устоять перед многими опасностями, и не только морскими, прежде чем выберет правильное направление, прежде чем найдёт собственную пристань.

Дальнейшее продолжение его приключений читатель отыщет в повести «Заблудшие корабли».

1. Номер 253 и номер 13

— Какие нас ждут сегодня дела, господин Пинк?

Такой вопрос слетел с пухлых губ тучного господина Свена и тотчас же был заглушен могучим зевком, а также громким хрустом суставов, когда почтенный директор тюрьмы начал распрямлять свои плечи атлета.

Приближался только восьмой час, было мрачное, туманное утро, а значит и помощник господина Свена, высокий худой, всегда пропитанный горечью больной печени, Пинк, зевнул деликатно и ответил:

— Пустой, нудный день, господин директор, по правде говоря, совершенно пустой! Сегодня должны выпустить на свободу этого негодия Мигуэля и молчаливого как могила Стефана. И это всё! Ничего интересного...

— Жизнь становится всё более монотонной, дорогой Пинк! — вздохнул директор. — Минули те времена, когда каждый день появлялся у нас почтенный отец Минстер, доктор Wolley, элегантный Стренглер и начиналась лихорадочная, возбуждающая работа!

— Да! Да! — воскликнул Пинк. — Отец исповедовал осуждённого, что-то толковал с ним о Царстве Божием и о бренности этой жизни...

— Шутник же этот отец Минстер! — засмеялся господин Свен. — Ведь знает, что преступники попадают в ад самой проторённой дорогой, галопом, и забивает им головы ерундой на прощание, для порядку. Хороша же эта бренность жизни! Как же мы выпивали порой, закусывали с аппетитом и рассказывали друг другу весёлые историйки с батюшкой Минстером! Помните, Пинк?

— Помню, и ещё как помню, господин директор! — захотел деревянным смехом худой Пинк. — Забавный тоже этот доктор Wolley! Неизвестно зачем выслушивал и выстукивал осуждённого и с радостью подтверждал, что сердце работает на двадцать пять ударов чапце, чем обычно... Только Стренглер ничего и никогда не говорил. Натягивал медленно свои нитяные перчатки и ждал спокойно, пока прокурор не

прикажет набросить петлю на шею преступника, ну и покончить с ним навсегда...

— Стрэнглер, очень элегантный и аккуратный человек — согласился господин Свен.

— Нравится мне система его работы! Где это доброе время?

Директор зевнул снова и начал просматривать поданные ему Пинком бумаги.

— Давайте те номера на освобождение! — буркнул он, наконец.

Помощник снял трубку телефона и велел надзирателям привести номер 253 и номер 13.

В ту же самую, собственно, минуту вошёл служащий и сообщил:

— Отец Минстер хотел бы встретиться с господином директором.

— О волке речь, а волк уж здесь! — со смехом воскликнул господин Свен. — Просить! Просить!

Священник Минстер, толстенький и розовенький в замысловатых маленьких очках, с влажными пухлыми губами, вошёл, потирая белые, холёные руки и дружелюбно улыбаясь.

Пожав руки присутствующим, он уселся и в очень цветистых предложениях пригласил к себе на именинный обед. В холодной, тёмной комнате воцарилось хорошее настроение, поднятое несколькими сочными анекдотами, когда отворились двери и ввели двух заключённых.

— Подождите отец — произнёс, кладя ему на колено руку, господин Свен. — Тотчас управимся с этими номерами и поговорим потом подробней. Отец теперь такой редкий гость!

Директор раскрыл папку с бумагами и, просмотрев их, произнёс суровым, торжественным голосом:

— Номер 253... Джюлиан Мигуэль... Ты был осуждён на три года тюрьмы за кражу. Своё наказание отбыл. Спустя некоторое время ты покинешь тюрьму, и дорога честной жизни откроется перед тобой. Помни о своих прегрешениях, которые привели тебя в тюрьму, и пусть воспоминание о них остановит тебя от новых преступлений, Джюлиан Мигуэль?!

Маленький, подвижный, рыжий и веснушчатый Мигуэль в течение всей речи директора поглядывал на священника так упорно, что тот опустил глаза и надел на себя маску благочестивого сочувствия.

— Понял ли ты, что я тебе сказал? — спросил господин Свен, впервые бросив взгляд на заключённого.

Мигуэль усмехнулся, блеснув острыми зубами и белками быстрых глаз.

— Слышал, господин директор, но не понял ни слова! — произнёс он, взрываясь смехом.

— Как это? — спросил Пинк, с удивлением поглядывая на присутствующих. — Не понял?!

— Ни слова! — отвечал Мигуэль. — Сразу объясняю. Господин директор указывает стоящую открытой передо мной дорогу честной жизни. Пожалуйста, отец! Допустим, что священнику понадобится в этот момент садовник при его доме. Выйдя отсюда, обращусь к нему с просьбой принять меня садовником за небольшую, очень небольшую плату. Возьмёт ли меня священник? Пропусти сказать честно, так, как Христос учит! Ну! Ну! Пусть отец не стесняется!

Отец Минстер заёрзal в кресле и опустил голову, делая вид, что не имеет права вмешиваться в служебные дела.

— Да... Да... — продолжал дальше всё более весёлым голосом Мигуэль. — Действительно. Ни священник, и никто другой не примет меня в дом и работы не даст. Буду голодным один день, два, три, может четыре, а на пятый приду к господину директору в милом сопровождении полицейского, и после приговора снова буду отсиживать срок наказания и ожидать дня, пока дорога честной жизни снова откроется предо мной. Правильно ли я говорю, Стефан? А?

Арестант номер 13 не пошевелился. Он смотрел на портрет президента государства и молчал.

— Первый раз залез в сумку тоже с голоду; это случилось после банкротства фабрики, где я работал. Был голодным, очень голодным после недели такого поста, о котором присутствующий священник не имеет понятия. Ещё два, три таких дня

и стал бы святым, но решил не испытывать этой профессии, таким образом залез в богатый дом и поделил имущество, взяв из него себе очень мало.

— Украд! — воскликнул господин Свен.

— Можно это называть, как кому нравится! — ответил Мигуэль. — Что касается меня, то, по правде говоря, в течение трёх лет тюрьмы никогда этого я так не называл, так как знаю, что если бы мне удалось уйти от погони полиции, наесться и найти работу, то подложил бы тайком стоимость взятых вещей и никогда, да никогда не помышлял бы оочных визитах в чужие квартиры, господин директор!

— «Прекрасна» же эта порядочность! — взорвался директор.

— Преступники!

— Опять же, условное (относительное) определение — буркнул номер 13. — Позволят господа, чтобы я привёл примеры. Номер 177 сидел у господина директора в течение семи лет за изготовление фальшивых денег, а когда вышел, произошла революция и его как специалиста гравёра, новая власть призвала к печатанию банкнот, совершенно подобных прежним. Несчастный должен был это делать, но постоянно ломал себе голову над тем, за что потерял семь лет в каталажке, когда теперь за такое же изготовление фальшивых денег ему платят и хвалят за точность в работе. И если теперь вернётся король, то правительственный подделыватель банкнот обязательно снова облачится в серый костюм арестанта...

— Ничего в этом удивительного! — вмешался священник. — Власть ему приказала, следовательно, делал...

— Извините, отец! — воскликнул Мигуэль. — Это отговорка! Нельзя убивать, — угрожал старый Иегова — если другой человек ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую — учил Христос. Ничего не говорится здесь о власти, а в это время война гуляет по свету, а вы, духовные, дайте своё благословение и убитым и убийцам. Что-то в этом скрыто! Какая-то громадная ошибка или ещё большая фальшь!

— Что касается убийства, наказываемого сурово и вообще не наказываемого, и даже награждаемого, можно также привести

примеры — произнёс номер 13 спокойным, нудным голосом. — Господа, и особенно священник, вы должны помнить эмигранта Генрика Лясковского. Вы повесили его за убийство человека, который пытался убить в нём не только честь, но более того — душу. Всё в порядке! Закон, общественное мнение, церковь не выступили против приговора. Возмутила их жестокость, с какой Лясковский убивал свою жертву, и обо всём теперь забыто. Пусть же господин директор вообразит, спустя время, что мы оба — я, номер 13, и Мигуэль, номер 253 — бросаемся на Вас, срываем с Вас погоны и оскорбляем действием. Как Вы поступите? Вы вытащите из кобуры револьвер и будете в нас стрелять. Когда уже упадём на землю, Вы будете стрелять дальше, в порыве добивая раненых и безоружных, то есть, допуская мрачное злодействие, осуждаемое даже на войне. Власть же за это убийство безоружных людей не оденет на Вас круглую серую шапку и широкие арестантские штаны, не окрестит Вас очередным тюремным номером, но выразит одобрение, может даже повесит вам на грудь медаль заслуги. А что было бы, если бы суд состоял не из государственных чиновников, а из заключённых?

Мигуэль при этих словах всколыхнулся нервно и, взорвавшись смехом, произнёс как бы заученные слова:

— Тогда бы пригласили с твёрдым убеждением священника Минстера, чтобы он пришёл к господину директору с последним христианским утешением, за ним одетый в чёрное пальто Стренглер накинул бы на достойную шею почтенного господина Свена хорошо намыленную петлю.

— В этом собственно кроется причина, почему порядочный номер 253 не понял ни слова из дружелюбного выступления господина директора, — продолжал номер 13. — Всё обусловлено и относительно. Российский царь убивал большевиков, и никто не удивлялся этому. Большевики убили царя, и это возмутило всех. Короли убивают своих непокорных подданных, революционеры режут горло людям, преданным королям, а при оказии и самим королям. Папы сжигали на кострах тех, которые хотели проникнуть в тайну учения Христа-Бога и проповедовали веру любви к ближнему. Осуждённые всевластными Папами на смерть люди боролись за истину веры, но не хотели смерти

наместника Христа на Земле. Несостоявшиеся жертвы сжигания на кострах становились порой Прометеями человеческого познания, а из их уст, признанных безбожными, никогда не пали слова мести и ненависти. Римские Цезари залили кровью христиан все арены цирков, а осуждённые умирали со словами любви. Победив, христианство не потребовало голов палачей. В одни времена превозносили Пап и Цезарей, в другие — бунтовщиков и недавно презираемых христиан. Удивительные это вещи, господа, непонятные номеру 253!

— А для тебя... для Вас? — бросил презрительный вопрос господин Свен.

— Я это понял здесь, в тюрьме, господин директор! — ответил номер 13 и умолк внезапно.

Воцарилось неприятное молчание. Господин Свен прервал его.

— Вижу, что тюрьма не смягчила ваших сердец, — произнёс он немного неуверенным голосом, — следовательно, нечего мне сказать вам. В канцелярии получите вашу одежду и документы. Старший надзиратель, проводите Мигуэля и Стефана в канцелярию!

Надзиратели открыли двери кабинета, а один из них уронил связку бумаг, и группа выходящих задержалась на мгновение. Директор тюрьмы не заметил этого. Обращаясь к Пинку, он произнёс презрительно:

— Это Стефан так вышколил Мигуэля, а может и других! Кто бы мог подумать, что этот непригодный ни на что барин, обкрадывающий тётку, молчаний в течение двух лет, как побитая собака, сносящий всё терпеливо, безо всякого человеческого достоинства, так может говорить! Этот скоро вернётся к нам! Анархист! Гнилой росток нашей аристократии!

Стефан услышал эту тираду. Кровь ударила ему в голову, в глазах начали кружиться какие-то пальящие огоньки, на лбу выступил холодный пот. Он сразу поймал себя на этом волнении и помимо воли удивился. С быстрой молнией начали метаться мысли.

Свен сказал правду. Стефан происходил из аристократической семьи, и стал её «гнилой порослью». Или это не так?

Получил хорошее воспитание, закончил высшую школу, занял высокое для своих молодых лет положение, но ни из семьи, ни также из школы не вынес никаких идеалов, следовательно, попав в водоворот жизни, легко поддавался искушениям, наделал долгов, и, будучи «человеком чести», таким образом, счел за менее позорящим его поступком, кражу из стола старой тётки некоторой суммы для успокоения кредиторов.

Служанка заметила Стефана в момент совершающейся кражи и в опасении, что на неё падёт обвинение, уведомила полицию. Обыск, найденные улики, стыд, арест, суд и два года тюрьмы... Это всё, правда! Гнилая поросль... В тюрьме к нему обращались: «Ты, Стефан». Ничтожный надзиратель велел ему подметать полы, стирать бельё, чистить омерзительно пахнущие помещения. Стефан молчал и всё сносил безропотно.

«Но тогда я был арестантом номер 13 и только! — мелькнула у него мысль. — А теперь?» По какому праву этот главный надзиратель смеет так отзываться о нём, когда он свободный человек. Суд назначает наказание для искупления вины за всяческие ошибки. После совершения правосудия никто не имеет права презрительно отзываться о бывшем арестанте! Если же наказание не очищает преступника в глазах общества, тогда долой суд! Так как это преступление — издевательство над человеческой душой, самое страшное истязание! Анархическая мысль! Снова Свен был прав... Однако...

Эти мысли промчались в мозгу Стефана, в это время его надзиратель успел наклониться и поднять рассыпанные на полу бумаги.

Стефан сделал несколько шагов вперёд, и, став перед директором тюрьмы, произнёс с виду спокойным голосом:

— Господин Свен! Обращаюсь к Вам в этот момент не как номер 13, но как Эрик Стефан. Прошу выслушать меня внимательно... Не всегда возвращаются в тюрьму «гнилые побеги» и потомственные преступники. Что касается меня, обещаю Вам, что встречусь с Вами, но не в этих стенах, а при других обстоятельствах. Надеюсь, что тогда Вы будете очень зависеть от меня.

Удивлённый директор, который уже забыл о столкновении с номером 253 и номером 13, поднял на говорящего глаза и,

выругавшись крепко по тюремной привычке, взорвался бесстыдным смехом.

— Что за чёрт! Представляю себе, какую бы я попросил у тебя протекцию, приятель!

— Господин Свен, говорите со мной всегда «господин Стефан», так как иначе мне не нравится. Не были ведь мы всё-таки с Вами на «ты». Что же касается протекции моей для Вас, господин Свен, то в настоящую минуту не могу Вам ничего обещать. Может прикажу… повесить Вас, а может действительно помогу. Будет это зависеть от того, какие я сохраню воспоминания по причине «гнилой поросли», как Вы, господин Свен, изволили назвать меня — Эрика Стефана. До свидания, господин Элвин Свен!

Сказав это, Стефан покинул кабинет тюремного директора.

— Сумасшедший! — буркнул Пинк. — Молчал в течение двух лет, а теперь захотелось ему поболтать…

— Мог бы посадить его ещё на несколько дней в тёмную камеру за дерзкую речь! — рявкнул Свен, ударяя кулаком по столу.

— А за что? — спросил священник, щуря хитрые глаза. — Говорил очень прилично, и хотя в его словах было много неприятных и язвительных вещей, содержалось в них достаточно правды, жизненной правды.

— Посажу его вместе с его правдой в тёмную камеру! — упирался рассвирепевший Свен. — Какой-то там арестант, чтобы смел так мне говорить?

— Он уже не арестант, господин Свен! — унимал его священник.

— А я когда-нибудь добьюсь, что посажу его! — кричал директор. — Этот выпущенный из тюрьмы мерзавец будет меня вешать или оказывать мне помощь?! Ну, знаете, это превосходит всяческое воображение!

— Господин директор, не стоит его трогать… — начал Пинк.

— И Вы его защищаете, Пинк? — возмутился Свен

— Потому что, видите ли, такой пойдёт к своим влиятельным родственникам, прольёт потоки слёз, и они всё простят

ему, а когда Вы его посадите снова, они будут его защищать, подавать на нас жалобы прокурору, ба, даже министру. Сами только можете неприятности из этого получить.

— Ты прав, Пинк! — сразу успокоился директор. — Чёрт с ним! Пусть как можно быстрей попадёт на виселицу, чего ото всей души ему желаю! Ну, а теперь поговорим об этом симпатичном обеде, отец Минстер! Итак, когда же мы должны прибыть?

Так закончилось небольшое происшествие в кабинете директора тюрьмы, но дальнейшее продолжение имело место тут же за железной калиткой тюрьмы.

Когда ворота со скрежетом закрылись за Мигуэлем и Стефаном, оба освободившихся заключённых упёрлись взглядом в длинную улицу, бегущую к центру города.

— Это и есть, собственно, дорога честной жизни? — спросил, сплюнув, рыжий Мигуэль. — Чертовски длинная, чёрт возьми, и у неё два конца. Один упирается в стены президентского дворца, а другой в эту грязную тюремную стену! Может вернёмся, так как до тюрьмы ближе, не устанем?

— Я предпочитаю идти вперёд! — огрызнулся Стефан. — Устал, но дойду.

— Тебе хорошо так говорить! — ответил товарищ. — Пойдёшь к своим и всё будет по-прежнему... Как если бы никогда ничего...

Стефан схватил говорившего за руку и шепнул почти угрожающе:

— Помнишь старого Боззара, того, что несколько разозвращался в тюрьму?

— Ну как же! Забыть Боззара?! Помню, как всегда говорил он, что после каждого нового срока наказания, всё меньшее для него людей, остаётся на Земле.

— Да! Боззар говорил, что человек, не обладающий льстивыми бесстыдными глазами собаки, не может после тюрьмы вернуться к прежней жизни, прежним родственникам и знакомым. Поэтому всё меньшее для него людей остаётся на Земле.

— Теперь понимаю! — кивнул головой Мигуэль. — Но, ты-то не обладаешь собачьими глазами, Стефан. Нет!

— Значит, и не вернусь к своим, но не вернусь и туда, никогда, никогда!

Стефан указал рукой на тёмно-красные, обшарпанные стены тюрьмы.

— Итак, что будешь делать? — спросил Мигуэль.

— Не знаю ещё, но верю, что выплыну на широкую воду, брат, и тогда помогу тебе, если встретимся когда-нибудь в жизни, и ты будешь во мне нуждаться...

— С тобой я только тогда, когда ты будешь плавать, и не будешь вынужден сидеть снова в тюрьме! — захохотал, вцепляясь в свою рыжую шевелюру, Мигуэль. — В этом вся загвоздка!

— Ты прав, друг, держи себя в ежовых рукавицах, и спрашивай обо мне. Зовут меня теперь Питт Гардфул.

— Как это Гардфул? — удивился Мигуэль. — Ведь тебя зовут Эрик Стефан?

— Эрик Стефан умер в тюрьме, — шепнул человек, носящий эту фамилию. — А теперь будь здоров, Джултан Мигуэль, держи себя крепко в руках и спрашивай, спрашивай обо мне.

— Кого спрашивать? Полицию, священника, купцов, банкиров, красиво одетых господ?

— Спрашивай бродяг, рабочих, моряков, спрашивай о Пите Гардфуле, — долетел до Мигуэля ответ товарища, исчезнувшего за углом боковой улочки убогого предместья, над которым господствовало мрачное здание тюрьмы.

— Ээ..., — вырвалось у Мигуэля. — Теперь понимаю тебя, братец! Сегодня Стефан, завтра Гардфул, послезавтра Шульц. Понимаю...

Он зажмурил глаза и, свистнув протяжно, двинулся в противоположную сторону, чтобы уйти как можно дальше от этой ужасающей своей длинной «дороги честной жизни», как назвал он эту улицу, ведущую к сердцу города, к сердцу, которое для номера 253 не могло быть чрезмерно добрым.

2. Дорога честной жизни

Питт Гардфул шёл, внимательно приглядываясь к домам и людям. Он знал этот город почти с младенчества, и, когда начал приближаться к центру, волна воспоминаний, как разбушевавшийся вал морской, хлынула на него. Он освободился от волнения и силой воли, сформировавшейся в тюрьме, где одни бываюят стёрты в порошок, другие же превращаются в сталь и кремень, вернулся к обычному спокойствию и безучастности.

На одной из больших улиц задержался он поблизости от большого дома, долго стоял, долго внимательно приглядываясь и прислушиваясь.

Около полудня на крыльце появилось целое общество весёлых стройных молодых людей и барышень. Питт сразу заметил брата. Подошёл к нему и шепнул:

— Отойди немного, мне нужно с тобой поговорить, Людвик...

Сконфуженный молодой человек, который узнал брата, отошёл в сторону.

— Узнаёшь меня? Я Эрик...

— Да, да! — отозвался Людвик, подозрительно и беспокойно оглядываясь на свою компанию. — Ты не должен показываться в городе, это будет позором для всей семьи... Мы дадим тебе деньги, но ты должен уехать непременно и тотчас же...

— Я хотел бы спросить тебя не о деньгах, — угрюмо ответил Эрик. — Хотел бы узнать, что слышно дома, у вас..?

— Всё хорошо... Все здоровы... — поспешно отвечал Людвик, опасаясь, чтобы кто-то из друзей не приблизился и не узнал Эрика-вора.

— Очень меня это радует, — произнёс бывший арестант. — Передай привет от меня всем. Уезжаю и, наверное, надолго... Прощай!

Повернулся и попшёл твёрдым уверенным шагом, не выдавая ни тени волнения. И, однако, был взволнован до глубины души...

Когда остановился сегодня утром за тюремной калиткой, сделал это не для разговора с товарищем по недоле, рыжим

и веснушчатым Мигуэлем, но в страстной надежде, что кто-то из семьи, зная о сроке его освобождения, придёт его встретить, прибодрить, помочь советом.

Никого не встретил, и он сразу оправдал всех. Ведь после года тюрьмы, когда его душа, пройдя крестный путь стыда, отчаяния и муки, не сломалась, но застыла в глыбу из кремня, что под ударами стали сыпет миллионами огненных искр, написал в те дни письмо семье, чтобы забыли о нём, так как никогда не вернётся, никогда не будет чёрным пятном, живым позором для своих близких, которых как сильно обременённый виной перед ними, даже любить уже не в состоянии.

Теперь же убедился непосредственно, что год назад сделал правильный шаг и дал выход всем из тяжёлой, затруднительной ситуации.

Забыли о нём и в минуту, когда он начинал новый период жизни, когда стоял перед завесой, скрывающей тайну его будущих действий, забыли об этом важном дне в жизни сына и брата. Близкие даже не хотели его иметь в своём кругу.

Сердце начало у него стучать бурно. Он стиснул его и успокоил, обращаясь к себе:

— Ну, трудно! Сам этого хотел. Очень порядочно с их стороны, что подчинились моему желанию. Это значительно облегчит мою задачу.

Питт Гардфул не был уже похож на Эрика Стефана, потому что никого не делал ответственным за свои поступки и ни от кого не ожидал совета и помощи. У него было достаточно времени в тюрьме, чтобы обдумать почти каждый свой шаг в будущем. Был готов на всё.

Успокоив своё сердце, он начал тихо насвистывать, чтобы внезапно прервать течение мысли, чему научился также в тюрьме. Теперь он ощущал полёт мысли в каждой мышце и, не известную людям, и обычную для зверей, радость существования. Эту способность испытания ощущения радости дала ему также тюрьма. Дыхание свободы усиливало её, переходя почти в блаженство.

Питт Гардфул забыл о тюрьме, о номере 13, о семье и о разговоре с Людвиком, шёл быстро и насвистывал как птица, не думая ни о чём.

Однако, по-видимому, его ноги получили чёткий приказ, потому что направились твёрдым и уверенным шагом к железнодорожному вокзалу.

Когда он услышал гудок локомотива, перестал свистеть. Вспомнил, сколько у него денег, заработанных в тюремных слесарных мастерских, и, особенно, в мастерской изделий из верёвок, улыбнулся, подошёл к кассе, купил билет четвёртого класса до Марселя и сел в указанный ему поезд.

Теперь он знал, что в его кармане только столько, чтобы съесть один обед. Но это отнюдь не пугало его. Знал, что делал, к чему стремился. Не сомневался, что добьётся своего.

Когда уснул с такими мыслями, внезапно почувствовал, что кто-то шарит в его кармане. Внезапным манёвром он задержал неизвестную руку, которая не успела исчезнуть. Была эта твёрдая, натруженная ладонь немолодого уже человека, с бледным лицом и злыми глазами.

— Сосед, — произнёс Питт, — рука принадлежит тебе, карман — мне. Откуда опять такое перепутывание частной собственности?

— Пусти меня! — прошипел схваченный вор.

— Не будем спешить так сильно! — сказал затем Питт. — Могу ведь правой рукой сломать вам челюсть или закричать и упрятать вас в каталажку. Не знаю ещё, что сделаю, но в этот раз хочу поговорить по-дружески.

Публика из купе, в котором ехал Питт, взорвалась смехом. Какой-то солдат, попыхивая трубочкой, предложил соседям пари на то, что сделает штатский с пойманым вором.

В это время Питт, склонившись к бледному человеку, шепнул ему:

— Голодный?

— Да... уже пятый день. Сел в поезд и еду без билета... до Марселя, где легче с работой. Работал на рудниках. Уволили сразу тысячу триста человек... — сказал он, едва шевеля дрожащими губами и не спуская взгляда с пытливых, спокойных глаз Питта.

Тот ничего не ответил, потому что начал внимательно прислушиваться к спорам соседей, причём его особенное внимание привлекал азартный солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru